

84 (4 Pp) 24
P 78

Poètes
ANTHOLOGIE
français
XIXe - XXe
siècles

84.40pp-24

P 78

50710
04
89

Poètes français

XIXe-XXe
siècles

ANTHOLOGIE

Par Samari Vélkovsky

Орловская областная
библиотека им. Н. К. Крупской
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Moscou

Editions du Progres. 1982

V

ARTHUR RIMBAUD

(1854-1891)

О предпринятом Артюром Рембо на перевале своего совершеннолетия самом, наверное, отчаянном из всех посягательств перестроить вековые устои лиризма дознались только тогда, когда этот опустошительно вторгшийся в парижское окружение Верлена неотесанный юнец из провинции, весь свирепо ошетиненный от застенчивости, так же внезапно и бесследно куда-то сгинул. Тайна его бегства чуть ли не на край света лишь подстегивала рвение, с каким он был наречен позднее легендарным предтечей всех мятежных «авангардистов», которые в XX веке из поколения в поколение станут ссылаться на возведенное им как на «благую весть» о собственном пришествии. Между тем, до разгадки странного исчезновения тоже вроде бы докопались, и она выглядела смущающе: за откровением от Рембо, так и не обнародованным им самим, довольно скоро последовало отречение.

В своей биографии — да и духовно — Рембо словно бы взялся повторить все случившееся с блудным сыном из евангельской притчи, вплоть до возвращения бывшего бунтаря, после скитаний и батрацких трудов на чужбине, к покинутому некогда родительскому очагу. Из этой сумбурной жизни «странника в башмаках, подбитых ветром» (Верлен), всего четыре-пять лет, от шестнадцати до двадцати с небольшим, было отдано писательству. Зато отдано самозабвенно, одержимо, в безоглядной спешке испытать на прочность самые крайние допуски словесности. Поэтому за столь краткий срок было перепробовано так много, что он в свою очередь распадается надвое: до так называемых «писем ясновидца» к друзьям (май 1871) и после них — пора воплощения и затем (а может быть, одновременно) развенчания изложенного там «исповедания веры». Как бы ни относиться к тому, что было после этого водораздела, почти все, что было до него, — пока еще пред-Рембо, Рембо-лицеист в том самом двойном смысле, в каком говорится о Пушкине-лицеисте, ученике, не раз побеждавшем своих учителей. На первых порах Рембо идет по стопам Вийона, Гюго, парнасцев, своего «бога» Бодлера, с ними соперничает, подчас их превосходит. В завещанное ими он привносит и кое-что свое, очень личное: порывистую свежесть языческого упоения «вольной волей»; круто приправленный издевкой сарказм по поводу всяческой «нежити», от окаменелых прозябателей-«сидней» до озверелых погромщиков «кровавой недели» в Париже; лихое озорство своих пощечин выморочному изящноречию или, наоборот, радужную цвето-звуковую ворожбу. И всякий раз где-то поблизости, постепенно сгущаясь, ходят тучи трагического отщепенства в жизни, где «подлинная жизнь отсутствует», — предвестья набухающей душевной грозы.

Она-то и разразилась в «ясновидческом» путешествии на край ночи. Взбунтовавшийся Рембо вознамерился одним махом «изменить жизнь» — свою собственную и, не исключено, всех прочих. И не просто одухотворить, украсить, посылно улучшить, а прямо-таки в корне переделать

при помощи некоего «магического» прорыва в совсем иное бытие, туда, где «другое небо и другая земля». Архимедовым рычагом намеченного переворота в самом ходе вещей призвана была послужить перестройка их привычного виденья посредством «словесной алхимии»: внелогического — поскольку рассудок замыкает нас в пределах действительности — сопряжения сполохов грез, «строительства» из них на бумаге заново, по совершенно свободному от пут достоверности разумению, волшебной вселенной вымысла в противовес окружающей юдоли здравого смысла. «Ясновидчество» Рембо, как оно им задумано и потом претворено, — отнюдь не высвечивание скрытой истины окружающего, а изобретение небывалого умом, прислушивающимся к приливам и отливам собственной внутренней жизни.

Исполнением возложенных на себя пророческих задач «похитителя огня» — приспособленных к особо переоснащенной для этого лирике мифов о преображении мира, древних, но отнюдь не изжитых в XIX веке, — и была вереница «Озарений» в стихах или чаще в прозе, писавшихся Рембо в основном в 1872—1874 гг. В свою очередь, смятенным самоотчетом об «истории одного из безумств» — о своих тогдашних восторгах и той попытке, какой он подверг собственную личность, «признав священным расстройство своих чувств» и обратив его в источник горячечного вдохновения, — стала единственная отданная им самим в печать книжечка, названная без околичностей: «Сквозь ад». Резкий перелом, который забросит в конце концов Рембо в далекую Абиссинию торговым служащим, снедаемым страстью сколотить себе состояние, здесь уже предсказан: «Я! я, возомнивший себя магом и ангелом, избавленным от всякой морали, я спустился на землю с жаждой искать на ней свой долг — и заключить в объятия шершавую действительность. Пахарь!»

Как только Рембо выяснил для себя, что лирическое чародейство — не чудодейство, не может удовлетворить его донельзя завышенных домогательств, а на меньшее он не был согласен, он разочаровался и в занятии, к которому был предназначен самой своей исключительной одаренностью. И принялся, хотя и с хваткой авантюриста, за дело обычное, житейски-насущное — возделывать свой сад. Образотворческие находки, открытия в приемах опредмеченной передачи душевных зарниц, туманностей, затмений, сделанные им по мере погони за своей недостижимой целью, для него самого были обесценены вместе с ее крахом и в сердцах выкинуты. Потомки предпочли не прислушаться к Рембо, распорядившись по-своему — с бережностью почти благоговейной — обломками дерзания этого Икара, принявшего себя однажды за Прометея.

Une Saison en Enfer, 1873; *Illuminations*, 1886; *Reliquaire*, posth., 1891.

SENSATION

Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
 Picoté par les blés, fouler l'herbe menue :
 Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
 Je laisserai le vent baigner ma tête nue.

Je ne parlerai pas, je ne penserai rien :
 Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
 Et j'irai loin, bien loin, comme un bohémien,
 Par la Nature,—heureux comme avec une femme.

1883

OPHÉLIE

I

Sur l'onde calme et noire où dorment les étoiles
 La blanche Ophélia flotte comme un grand lys,
 Flotte très lentement, couchée en ses longs voiles...
 — On entend dans les bois lointains des hallalis.

Voici plus de mille ans que la triste Ophélie
 Passe, fantôme blanc, sur le long fleuve noir.
 Voici plus de mille ans que sa douce folie
 Murmure sa romance à la brise du soir.

Le vent baise ses seins et déploie en corolle
 Ses grands voiles bercés mollement par les eaux ;
 Les saules frissonnants pleurent sur son épaule,
 Sur son grand front rêveur s'inclinent les roseaux.

Les nénuphars froissés soupirent autour d'elle ;
 Elle éveille parfois, dans un aune qui dort,
 Quelque nid, d'où s'échappe un petit frisson d'aile :
 — Un chant mystérieux tombe des astres d'or.

II

O pâle Ophélia ! belle comme la neige !
 Oui tu mourus, enfant, par un fleuve emporté !
 — C'est que les vents tombant des grands monts de Norwège
 T'avaient parlé tout bas de l'âpre liberté ;

C'est qu'un souffle, tordant ta grande chevelure,
A ton esprit rêveur portait d'étranges bruits ;
Que ton cœur écoutait le chant de la Nature
Dans les plaintes de l'arbre et les soupirs des nuits ;

C'est que la voix des mers folles, immense râle,
Brisait ton sein d'enfant, trop humain et trop doux ;
C'est qu'un matin d'avril, un beau cavalier pâle,
Un pauvre fou, s'assit muet à tes genoux !

Ciel ! Amour ! Liberté ! Quel rêve, ô pauvre Folle !
Tu te fondais à lui comme une neige au feu :
Tes grandes visions étranglaient ta parole
— Et l'Infini terrible effara ton œil bleu !

III

— Et le Poète dit qu'aux rayons des étoiles
Tu viens chercher, la nuit, les fleurs que tu cueillis ;
Et qu'il a vu sur l'eau, couchée en ses longs voiles,
La blanche Ophélia flotter, comme un grand lys.

Reliquaire, 1891

A LA MUSIQUE

Place de la Gare, à Charleville.

Sur la place taillée en mesquines pelouses,
Square où tout est correct, les arbres et les fleurs,
Tous les bourgeois poussifs qu'étranglent les chaleurs
Portent, les jeudis soirs, leurs bêtises jalouses.

— L'orchestre militaire, au milieu du jardin,
Balance ses schakos dans la *Valse des fifres* :
— Autour, aux premiers rangs, parade le gandin ;
Le notaire pend à ses breloques à chiffres.

Des rentiers à lorgnons soulignent tous les couacs :
Les gros bureaux bouffis traînent leurs grosses dames
Auprès desquelles vont, officieux cornacs,
Celles dont les volants ont des airs de réclames ;

Sur les bancs verts, des clubs d'épiciers retraités
Qui tisonnent le sable avec leur canne à pomme,

Fort sérieusement discutent les traités,
Puis prisent en argent, et reprennent : « En somme !... »

Epatant sur son banc les rondeurs de ses reins,
Un bourgeois à boutons clairs, bedaine flamande,
Savoure son onnaing d'où le tabac par brins
Déborde — vous savez, c'est de la contrebande ; —

Le long des gazons verts ricanent les voyous ;
Et, rendus amoureux par le chant des trombones,
Très naïfs, et fumant des roses, les pioupious
Caressent les bébés pour enjôler les bonnes...

— Moi, je suis, débraillé comme un étudiant,
Sous les marronniers verts les alertes fillettes :
Elles le savent bien ; et tournent en riant,
Vers moi, leurs yeux tout pleins de choses indiscretes.

Je ne dis pas un mot : je regarde toujours
La chair de leurs cous blancs brodés de mèches folles :
Je suis, sous le corsage et les frêles atours,
Le dos divin après la courbe des épaules.

J'ai bientôt déniché la bottine, le bas...
— Je reconstruis les corps, brûlé de belles fièvres.
Elles me trouvent drôle et se parlent tout bas...
— Et je sens les baisers qui me viennent aux lèvres...

1889

LES EFFARÉS

Noirs dans la neige et dans la brume,
Au grand soupirail qui s'allume,
Leurs culs en rond,

A genoux, cinq petits, — misère ! —
Regardent le Boulanger faire
Le lourd pain blond.

Ils voient le fort bras blanc qui tourne
La pâte grise et qui l'enfourne
Dans un trou clair.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской

По адресу: г. Оренбург, ул. Советская 20
телефон для справок: (3532) 32-32-26